

Четвергъ, 15-го іюля 1910 года.

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ВЫХОДИТЬ ВЪ Г. Томскѣ ежедневно, за исключеніемъ днѣй послѣпраздничныхъ:

XVII

годъ изданія.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Томскѣ: въ конторѣ редакціи (ул. Дворянской и Ямской пер., д. «Сибирская Т-ва Печатного Дѣла») и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина; въ Петербургѣ: въ конторѣ объявленій Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Большая Морская гл., д. № 11, Торгового Дома Бруно Валентина, Екатерининский каналъ, № 18—27; въ Москве: въ центральной конторѣ объявленій Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Мясницкая улица, домъ Сытова; въ Варшавѣ: въ конторѣ объявленій Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Маршалковская, 130; въ Барнауле: въ книжномъ магазинѣ В. К. Соколова.

Разсрочка ГОДОВОЙ платы не допускается.

Подписанная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на 12 мѣсяцевъ въ Томскѣ и другихъ городахъ	6 р.— к. за границу 10 р.— к.
► 9 ► ► ► ► ► ► ► ► ► ► ► ► ►	4 р. 75 к. ► 8 р.— к.
► 6 ► ► ► ► ► ► ► ► ► ► ► ►	3 р. 50 к. ► 6 р.— к.
► 3 ► ► ► ► ► ► ► ► ► ► ► ►	1 р. 80 к. ► 3 р. 50 к.
► 1 ► ► ► ► ► ► ► ► ► ► ► ►	— р. 60 к. ► 1 р. 20 к.

Подписка считается съ 1-го числа каждого мѣсяца.

За перемѣну адреса иногородняго на иногородній взимается 35 коп.

Такса за объявленія: за строку петита впереди текста 20 к., позади 10 к.

Для иногороднихъ за строку петита впереди текста 30 к., позади 15 к.

Объявленія прислуки и рабочихъ 20 коп. за три строки.

За прилагаемыя къ газетѣ объявленія въ Томскѣ—5 руб., иногороднимъ 7 р. за тысячу экземпляровъ вѣсомъ не болѣе одного лота.

Контора открыта ежедневно съ 8-ми часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, кроме праздниковъ. Телефонъ № 470.

Редакція для личныхъ объясненій съ редакторомъ открыта ежедневно отъ 9 до 6 ч. веч.

Присылаемыя въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи, въ случаѣ надобности подлежать измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, доставленныя безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ не возвращаются.

Цѣна № въ 4 коп.

Цѣна № въ 5 коп.
гор. Томскѣ
др. городахъ

Литература и писатели.

IV.

Къ характеристикѣ взаимоотношений между писателями и читателями.

Не такъ давно, вслѣдъ за смертью Полини Бирдо, въ газетѣ появился извѣстіе, что въ какомъ то поэтическомъ ющихъ покойной артистки найдена рукопись неизданного, совершенно еще неизвестнаго романа И. С. Тургененя «Жизнь для искусства».

Газета, когда я прочитала впервые

это извѣстіе, мнѣ оказалась глубокая радость—радость и за себя и за всѣхъ, кто любить Тургененя. Знать, мы скоро будемъ этотъ романъ читать... думала я,—значитъ настъ синть ожидать то великое наслажденіе, какое мы въ свое время испытывали при первомъ чтеніи «Дворянскаго гнѣзда», «Отцова и дѣтей», «Гудуна». Нѣтъ, даже больше! Вѣдь Тургеневъ, какъ извѣстно, горячо и искренно, въ теченіе очень многихъ лѣтъ, любилъ Полину Бирдо, и если она посыпала и отдала ей свою рояль, носившую такое значительное заглавіе, то отсюда сама собою слѣдуетъ, что этотъ неизданній романъ можетъ быть цѣнны и интересны, чѣмъ все остальное, написанное Тургененевымъ, ибо, очевидно, въ этомъ романѣ она вложила всю свою любовь, всю свою душу, расцѣпленную въ этой любви.

Съ радостной улыбкой мечтала я о томъ днѣ и часѣ, когда увижу переподъ собою новое произведеніе Тургененя. Но на другой день пришли новыи газеты, и то, что я прочитала въ нихъ, убило мою радость. Въ дополненіе къ извѣстію о найденной у Бирдо рукописи Тургененя, газеты сообщали, что къ рукописи приложеніи записка Бирдо, гдѣ вполнѣ опредѣлено выражено путь покойной артистки: не печатать романъ раніе десяти лѣтъ со дня ея смерти.

Еще одинъ фактъ.

Всѣмъ, извѣстно, какой популярностью и любовью пользуется Чеховъ. Въ прошломъ и нынешнемъ годахъ вышли въ сѣверѣ дѣтской книги чеховскихъ писемъ. И въ нихъ читать, перечитывать, цитировать, стили писать о нихъ, и въ концѣ концовъ было единогуно признано, что письма А. П. Павловны къ В. Ф. Комиссаржевской, которую угласилъ авторъ «Дѣйн» высоко цѣнны и любиль. Но жалко, надѣялись, думали, что если сегоюнъ, то затѣа эти письма будутъ опубликованы. Теперь выясни-

лось, что Комиссаржевская горячо возставала противъ печатанія какихъ бы то ни было писемъ послѣ смерти, и что письма, написанные ей Чеховыми, она не только не отдала въ печать, но едва ли не соглашалась, во крайней мѣрѣ выражала желаніе скечъ.

И еще одинъ фактъ, третій.

Умерла Комиссаржевская. Смерть ее опечалила всю Россію отъ Петербурга до Владивостока и отъ Ялаты до Архангельска. Ее портретами, воспоминаніями о ней, статными позами были въсѣ газеты, столичные и провинциальные. Словомъ, сразу обнаружилось: какъ мы вѣсѣ любили Вѣру Ефимовну, и какой горячій интересъ писали мы къ ей личности... Черезъ два лѣтъ артистка Браневская напечатала въ «Русской жизни» отрывки изъ писемъ ушедшей артистки. И почему? Въ газетѣ появилось негодуше письмо сестры артистки съ просьбомъ противъ опубликованія писемъ покойной.

Итакъ, передъ нами три весьма любопытныхъ и характерныхъ факта: 1) Тургеневъ пишетъ романъ, но отдаетъ его не публикѣ, а только лучшему своему другу, а этотъ послѣдній придвигаетъ къ нему драгоценную рукопись въ потайномъ ящичкѣ, чтобы только черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти пустить романъ въ печать; 2) Комиссаржевская предочертываетъ скечъ письма Чехова, вѣсто того, чтобы подѣлиться ими со всѣми, кому дорога эта писатель; 3) сестра Комиссаржевской категорически противстуетъ противъ опубликованія писемъ талантливой артистки.

Что это значитъ? Чѣмъ объяснить такое недовѣріе? Не то ли это недовѣріе, которое въ свое время заставило Тургененя горячо сказать свое знаменитое «Доловъ!». Непонимаемый имъ публикой, ни критикой, обиженный грядью за «Отцова и дѣтей», онъ воскликнулъ: «Доловъ!.. Полно метаться, полно тануться, скаться пора, поставить голову въ обѣ руки и вѣтъ сердцу почачать...»

Послѣ этихъ горькихъ словъ Тургененъ замолчалъ и срывающе докладъ ничего не писалъ (не въ это же время писался найденный теперь романъ «Жизнь для искусства»?), но все-таки черезъ нѣкоторое время оставилъ слова стоять печататься, какъ будто почувствовалъ, что значительный элементъ читателей любить его, понимаю и высоку цѣнность, что жрецу не подобаетъ покидать тотъ храмъ, бого котораго онъ служитъ; и, вѣтъ, Тургененъ не только самъ вернулся къ своей работѣ, но уже лежа на смертномъ одрѣ, готовясь наѣсть распороться и съ литературой и съ читателями, писать мочащему тогда Льву Толстому: «Другъ мой, великий писатель русской земли, внимайте моей просьбѣ, вернитесь къ литературной деятельности».

Очевидно, между Тургененевымъ и публикой произошло просто недоразумѣніе, весьма печальное, обидное

для обѣихъ сторонъ и крайне невыгодное для литературы недоразумѣніе,—не больше. Писатели не понимали, видѣли въ его словахъ совсѣмъ не то, что онъ хотѣлъ сказать, они считали его за консерватора, другое за революционера, гдѣ бы рѣшился въ его частной жизни, загрязнилъ его дружескій и сердечный отношенія,—словомъ, сѣвали съ своей стороны все возможное къ тому, чтобы заставить его «смыться, взвѣтъ голову въ обѣ руки и вѣтъ сердцу почачать».

Но вотъ вопросъ: кто это вѣтъ, во имя чего и по какому праву? Если мы внимательно всмотримся въ книжные, журнальные и газетные документы этого исторического недоразумѣнія, то увидимъ, что творцы послѣд资料 явились небольшими, но шумными группами разъяренныхъ крикуновъ, суммирующими какимъ то образомъ пропаганду, направленную на то, чтобы мы вѣтъ, которую мы любимъ, но которую все-таки недостаточно знаемъ. Въспитательное и образовательное значение «Выставки русскихъ писателей» можетъ быть особенно полезнымъ и значительнымъ для учащейся молодежи, относящейся къ литературу съ повышеннымъ интересомъ, но не всегда умѣющей критически разобраться въ ней, и не всегда справедливо распространяющей свое симпатіи и антиподы.

Выставка иллюстрируетъ и освѣтитъ и то взаимоотношеніе, которое существуетъ между писателемъ, какъ человекомъ, и писателемъ, какъ творцомъ. Для насъ это важно по той причинѣ, что у насъ нѣрѣко любить и цѣнить въ писателе именно человѣка, любить «нутромъ», а такъ вѣтъ упрямъ не хочеть отѣдѣлять тѣлата отъ его носителей. Какъ на ближайшій и краткій примѣръ, укажемъ на любовь къ Чехову.

Прямое сдѣлѣтъ такой любовь—горячий интересъ читающей публики не только къ «Дворянскому гнѣзду», «Отцамъ и дѣтей» и «Гудуна», но и къ тому, что было передано Тургененевъ г-жѣ Бирдо; но только къ разсказамъ и письмамъ Чехова, не къ его письмамъ, которые, какъ оказывается, не мнѣе художественныхъ, чѣмъ рассказы; не только къ Комиссаржевской, какъ къ артистѣ, но въ ней, какъ къ эстетически развитому человѣку.

И заѣдь нѣтъ вторжения въ частную жизнь. Эдѣ, по выражению одного изъ современныхъ публицистовъ,—проказняется не нездоровье любопытства къ интимной жизни, а желаніе любить всѣго человѣка, цѣлкомъ, по своему любобѣю и не только его величие, но и его слабости, желаніе понять его до дна, вѣстить въ сердце свое его страданіе, горе, его счастіе.

Сточки зѣрны, такой любви мы избѣгаемъ право и на романъ Тургененевъ, скрытый въ потайномъ ящичкѣ г-жи Бирдо, и на письма Чехова, сапишико неосторожнѣе брошенными въ огонь Вѣрой Феей. Комиссаржевской, и на письма этой послѣдней, противъ опубликованія которыхъ протестуетъ ее сестра.

Москва открыывается первая и единственная въ своемъ родѣ «Выставка русскихъ писателей ХХ вѣка». Будутъ выставлены портреты писателей, ихъ родители, друзья, тѣхъ личностей, которыми они увлекались, картикатуры, рукописи, письма, экземпляры старинныхъ изданій, снимки съ выставокъ, гдѣ писатели жили, разные примѣдѣнія имъ вѣтъ и т. п.

Нельзя не привѣтствовать этого благого почина. Русская литература—это, пожалуй, единственное, чѣмъ мы горимъ гордостью и увѣреніемъ, въ наше безсмертіе, наша величайшая радость и утѣшенье. И върьмъ горячаго сочувства будетъ, вѣроятно, вѣстричена эта первая попытка мало-стремитъ и осѣтить нашу литературу, которую мы любимъ, но которую все-таки недостаточно знаемъ. Въспитательное и образовательное значение «Выставки русскихъ писателей» можетъ быть особенно полезнымъ и значительнымъ для учащейся молодежи, относящейся къ литературу съ повышеннымъ интересомъ, но не всегда умѣющей критически разобраться въ ней, и не всегда справедливо распространяющей свое симпатіи и антиподы.

Выставка иллюстрируетъ и освѣтитъ и то взаимоотношеніе, которое существуетъ между писателемъ, какъ человекомъ, и писателемъ, какъ творцомъ. Для насъ это важно по той причинѣ, что у насъ нѣрѣко любить и цѣнить въ писателе именно человѣка, любить «нутромъ», а такъ вѣтъ упрямъ не хочеть отѣдѣлять тѣлата отъ его носителей. Какъ на ближайшій и краткій примѣръ, укажемъ на любовь къ Чехову.

— «Я не буду говорить вѣтъ о «Фаустѣ»,—говоритъ ей герой разсказа, видъ ее въ болѣніи,—но вы позовите позорить вѣтъ и сказать, что я вѣтъ замыду.

— Да, Вѣтъ, насколько я вѣтъ знаю теперь, стъ вашей душой, престоите столько наслажденій. Есть вѣтъ поэты, кромѣ Гете... Шекспиръ, Шиллеръ... да и наши... Пушкинъ...»

Какъ герой этого разсказа замыдуетъ Вѣрѣ Николаевнѣ, такъ мы можемъ позовывать нашимъ по-томкамъ, которые будуть жить въ будущемъ, несравненно умнѣющими, исклучающими возможность тѣлъ прискорбнѣйшаго недоразумѣній, какими обнадѣживающими наше мѣскаднага, ненормальна эпоха.

Когда боль или обида причиняютъ человѣку, котораго мы любимъ, тогда эта боль или обида совсѣмъ чувствуется страшно и необикновенно мучительно. Мы любимъ нашу литературу, и когда ея жрецы вѣстуютъ наше недовѣріе и прячутъ отъ насъ, какъ отъ враговъ, то, что для нихъ цѣнно и дорого,—это недовѣріе, хотя бы оно было только недоразумѣніемъ, пронимаютъ наше сильную боль и обиду, тогда мы не можемъ почачать, не измѣнить сѧ мысли, ибо у насъ отнимаютъ нашу красоту, нашу мысль, нашу лучшую радость...

Правда, весьма возможно, что теперь найдутся, какъ въ средѣ литераторъ, люди, у которыхъ атрофированы чувства тѣкта и деликатности, но нѣмало-же, въ самомъ дѣлѣ, считаются только съ ними, нужно прежде всего принять во внимание интересы родной литературы и, значитъ, всѣми силами способствовать ея росту и процветанію. Только побольше чистоты и довѣрія!

Тогда мы будемъ иметь возможность читать то, что при другихъ условиахъ намъ не удалось пропечь, тогда нашимъ писателямъ не придется прятать отъ насъ, какъ отъ враговъ, свою душу, свое святое сиященіе. Какъ истинные друзья, входящіе въ гдѣ въ лабораторіи поэзіи и мысль, плавающіе изумруднѣйшаго металла таланта.

У Тургененевъ, въ разсказѣ «Фаустъ», есть одно характерное мѣсто,—мы можемъ?—...Вѣра Николаевна, о которой говорится въ этомъ разсказѣ, прочла «Фауста» Гете. До этого времени ей не удавалось прочесть ни одного вѣдѣтелно-тавтологичнаго произведения, и «Фаустъ» ошеломилъ ее, стихи Гете, его образы и мысли явились для нее какими-то чудесами откровеніемъ, все ее существо насыщалось несказанной радостью слезы восторга брызнули изъ глазъ...»

— «Я не буду говорить вѣтъ о «Фаустѣ»,—говоритъ ей герой разсказа, видъ ее въ болѣніи,—но вы позовите позорить вѣтъ и сказать, что я вѣтъ замыду.

— Да, Вѣтъ,—сказала.

— Да, Вѣтъ, насколько я вѣтъ знаю теперь, стъ вашей душой, престоите столько наслажденій. Есть вѣтъ поэты, кромѣ Гете... Шекспиръ, Шиллеръ... да и наши... Пушкинъ...»

Какъ герой этого разсказа замыдуетъ Вѣрѣ Николаевнѣ, такъ мы можемъ позовывать нашимъ по-томкамъ, которые будуть жить въ будущемъ, несравненно умнѣющими, исклучающими возможность тѣлъ прискорбнѣйшаго недоразумѣній, какими обнадѣживающими наше мѣскаднага, ненормальна эпоха.

Когда боль или обида причиняютъ человѣку, котораго мы любимъ, тогда эта боль или обида совсѣмъ чувствуется страшно и необикновенно мучительно. Мы любимъ нашу литературу, и когда ея жрецы вѣстуютъ наше недовѣріе и прячутъ отъ насъ, какъ отъ враговъ, то, что для нихъ цѣнно и дорого,—это недовѣріе, хотя бы оно было только недоразумѣніемъ, пронимаютъ наше сильную боль и обиду, тогда мы не можемъ почачать, не измѣнить сѧ мысли, ибо у насъ отнимаютъ нашу красоту, нашу мысль, нашу лучшую радость...

Г. Вѣткинъ.